

Даниэль РИНИКЕР

«Окаянные дни» как часть творческого наследия И. А. Бунина

«Окаянные дни» до последнего времени не привлекали должного внимания исследователей*. В работах о Бунине это произведение обычно только упоминается, и даже те авторы, которых нельзя заподозрить в политической предвзятости, отзываются о нем скорее пренебрежительно. Недавний всплеск интереса к «Окаянным дням» со стороны широкой публики, «прямая проекция бунинского произведения на современность»**, словно бы мешает литературоведению приступить к серьезному исследованию этого произведения. Характерны в этой связи слова Т. М. Двинятиной в рецензии на монографию Ю. В. Мальцева: «Тема “Окаянных дней” (глава 8) получила в последнее время самое широкое распространение и добавить здесь что-то новое пока трудно, нужна передышка»***. Представляется, что «до-

---

* Кроме предисловий к отдельным изданиям этого произведения и беглых упоминаний в разных работах о Бунине мне известно лишь три научных статьи, посвященных «Окаянным дням»: «Окаянные дни» И. А. Бунина в контексте русской поэзии 1917—1921 гг. // Материалы к творческой биографии Ивана Алексеевича Бунина / Сост. Т. В. Дмитриева, Н. Е. Тропкина. Волгоград, 1995. С. 4—8; Ошар К. «Окаянные дни» как начало нового периода в творчестве Бунина // Русская литература. 1996. № 4. С. 101—105; Эберт К. Образ автора в художественном дневнике Бунина «Окаянные дни» // Русская литература. 1996. № 4. С. 106—110.

** «Окаянные дни» И. А. Бунина в контексте русской поэзии 1917—1921 гг. С. 4.

*** Двинятина Т. М. О книге Ю. Мальцева «Иван Бунин» // Русская литература. 1997. № 2. С. 251.

бавить что-то» необходимо, что настало время пристальнее всмотреться в «Окаянные дни» как в неотъемлемую часть творческого наследия И. А. Бунина.

По тонкому наблюдению Вл. Ф. Ходасевича, «путь к бунинской философии лежит через бунинскую филологию — и только через нее» *. Несомненно, что и бунинская «политика», заслонявшая до сих пор в «Окаянных днях» все остальное, коренится в бунинской философии, с которой она неразрывно и напрямую связана. Одним из немногих это понял М. А. Алданов, который в своей рецензии на девятый и десятый тома берлинского собрания сочинений Бунина написал:

Ни к «Окаянным дням», ни тем более к «Серпу и молоту» не должно подходить как к книгам чисто политическим. Это ведь художественные произведения, и есть в обеих книгах страницы, которые могут сравниться с лучшим из всего, что написано Буниным. Но в «Окаянных днях» сокровища изобразительного искусства были рассыпаны в самых злых и резких главах **.

«Окаянные дни» представляют большой интерес сразу в нескольких отношениях. Во-первых, в историко-культурологическом плане «Окаянные дни» отражают, порой с фотографической точностью, эпоху революции и гражданской войны и являются свидетельством восприятия, переживаний и раздумий русского писателя-интеллигента этого времени.

Во-вторых, в историко-литературном отношении «Окаянные дни» представляют собой яркий образец бурно развивавшейся с начала XX века документальной литературы. Сложное взаимодействие общественной мысли, эстетических и философских исканий и политической обстановки привело к тому, что дневники, воспоминания и произведения, основанные непосредственно на реальных событиях, заняли видное место в творчестве самых разных авторов и перестали быть, по терминологии Ю. Н. Тынянова, «фактом быта», превратившись в «литературный факт».

В-третьих, с точки зрения творческой биографии И. А. Бунина «Окаянные дни» являются важной частью наследия писате-

---

* Ходасевич В. Ф. Ив. Бунин. «Божье древо» // Возрождение. 1931. 30 апр.

** Алданов М. А. И. А. Бунин. Собрание сочинений. Изд. «Петрополис», 1935 год. Тома IX и X // Современные записки. 1935. Кн. 59. С. 472. Все цитаты, кроме специально оговоренных случаев, даются по новой орфографии, но с сохранением особенностей авторской пунктуации.

ля, без учета которой полноценное изучение его творчества представляется невозможным.

В-четвертых, в текстологическом отношении «Окаянные дни» как и многие другие произведения Бунина эмигрантского периода *, имеют ряд трудностей связанных в первую очередь с генезисом текста, с историей его публикации и с многократной авторской правкой; недоступность архивных материалов и периодических изданий русского зарубежья еще более усложняет дело. Тот факт, что на сегодняшний день не существует ни одного удовлетворительного в текстологическом отношении издания «Окаянных дней» **, заставляет подробнее рассмотреть творческую историю и текстологические особенности бунинского произведения. Объем данной статьи не позволяет изложить все текстологические сложности; здесь будут рассматриваться лишь отдельные аспекты этой проблемы, существенные для понимания авторского замысла.

«Окаянные дни» впервые печатались с большими перерывами в 1925—1927 гг. в парижской газете «Возрождение», созданной на деньги нефтепромышленника А. О. Гукасова и задуманной «как “орган национальной мысли”, в решительной мере в противовес “Последним новостям”, единственной в то время серьезной ежедневной газете в “столице” русского рассеяния» ***. На требование редактора «Возрождения» П. Б. Струве дать что-нибудь в первый номер новой газеты Бунин сначала ответил отказом:

Что до рассказа для 1 №, то я сказал нерешительно: *надеюсь* дать маленький рассказ. Теперь спешу сообщить, что надежда эта не осуществляется. Я ведь вообще не думал, что сотрудничество мое как *беллетриста* понадобится *сию же минуту*, для *первых* же номеров, и Ваша телеграмма (просьба дать заглавие вещи для анонса) застала меня врасплох. Мне, конечно, все-таки очень хотелось исполнить Вашу просьбу и на минуту мне показалось, что что-нибудь более или менее *подходящее* я отыщу для Вас в своих бумагах. Но, увы, не вышло: именно подходящего-то и не нашлось. А ведь для *первого* № это нужно *особенно*, дать в него что попало, какие-нибудь «незабудки» ни к селу ни к городу — неловко, он обязывает на что-нибудь бьющее в глаза и так или

* См., напр.: Пономарев Е. Р. О творческой истории книги Бунина «Освобождение Толстого» // Русская литература. 1998. № 1. С. 109—119.

** Те издания «Окаянных дней», которые учитывают последнюю авторскую волю, грешат, к сожалению, многими неточностями и непоследовательностью.

*** Струве Г. П. Страница из истории зарубежной печати. Начало газеты «Возрождение» // Мосты. 1959. № 3. С. 375.

иначе связанное с тем «ликом», который в нем должен проявиться. Возможно, что в *другое* время я все-таки как-нибудь вывернулся (бы): понатужился бы и написал бы что-нибудь «по особому заказу» <...> Дорогой, не сердитесь на меня, войдите в мое положение и, если уж нужна «изящная» литература для 1 №, обратитесь к Шмелеву, к Зайцеву... Утешаю себя тем, что она не очень нужна, — думаю что № будет по горло сыт статьями, необходимыми в первую голову, «программными» [sic]. С «незабудками» еще успеется*.

Но уже через несколько дней Бунин посылает Струве первые страницы «Окаянных дней» и 28 мая 1925 года пишет: «Вчера послал Вам “Окаянные дни”. На днях вышлю еще фельетона на два**». «Окаянные дни» появились в первом номере «Возрождения» 3 июня 1925 г. Таким образом, первая часть «Окаянных дней» должна была соответствовать тем требованиям, которые Бунин сам перечислил в своем письме: быть «программной», отвечающей политическому направлению новой газеты, но при этом все-таки иметь какое-то отношение к беллетристике, к «изящной» литературе.

Сначала Бунин не был уверен в успехе своих «фельетонов», он с самого начала заботился о том, чтобы «Окаянные дни» печатались целостно и единым потоком: «вот Вам моя “контрибуция”. Думаю, — это на 2 фельетона? Известите, как вообще будете меня печатать? Раз в неделю? Мало. *Хорошо бы эти два подряд* — пожалуйста. Слать ли эти “Окаянные дни” еще? Вообще напишите***. Но скоро Бунин убедился, что его «Окаянные дни» пользуются успехом: «Вот вам еще три фельетона. Не смущайтесь, что опять “Окаянные дни”, публике нравится, мне это и говорят и из Парижа пишут, главное же — есть немало ядовитого, далеко не скучного (хотя бы, например, *банкет* в первом фельетоне)****. В письме от 5.7.1925 года Бунин сам дает оценку своему произведению: «Послал Вам позавчера сразу 3 фельетона. Думаю, что я правильно поступаю, давая “Окаянные дни” — в них и беллетристика и все прочее, *нужное, еще очень нужное* для времени»*****. В сентябре 1925 г. Бунин несколько раз посылает Струве «последний» фельетон «Окаянных дней», но продолжает писать и печатать их до 1927 года.

---

* Переписка И. А. Бунина и П. Б. Струве (1920—1943). К 100-летию со дня их рождения. Публикация Г. П. Струве // Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1968. Т. 2. С. 72—73.

** Там же. С. 73.

*** Там же.

**** Там же. С. 75.

***** Там же.

Все это говорит о том, что во время составления «Окаянных дней» для «Возрождения» Бунин сам еще не знал окончательного объема своего произведения. Оно мыслилось, по-видимому, самим писателем как текст с принципиально открытой структурой, у которого не было четко фиксированного конца. Не менее существенным является и то, что Бунин сам ощущал необыкновенность своего произведения, его гетерогенную сущность. Писатель очень точно указывает на двойственную природу своего произведения: «беллетристика» и «нужное для времени».

После присуждения Бунину Нобелевской премии по литературе в 1933 году берлинское издательство «Петрополис» стало выпускать собрание сочинений писателя. «Окаянные дни» вошли в десятый том этого собрания, содержащий также рассказы «Последняя весна», «Последняя осень», «Брань» и очерки «Чехов» и «Толстой». Готовя «Окаянные дни» для берлинского собрания сочинений, Бунин значительно переработал текст по сравнению с газетным вариантом. Однако эта правка не была окончательной: в последние годы своей жизни Бунин правил текст «Окаянных дней» по авторскому экземпляру берлинского издания, который ныне хранится в Российской государственной библиотеке в Москве*.

Эта последняя авторская правка заслуживает пристального внимания, поскольку Бунин действовал явно «sub specie aeternitatis»: писатель прекрасно осознавал, ввиду своего преклонного возраста, что этот вариант «Окаянных дней» станет отражением его, в буквальном смысле слова, «последней» авторской воли. Авторский экземпляр, который Бунин готовил для всех будущих переизданий, отражает многократное и тщательное исправление текста. Изучение этой правки показывает, что она носила как стилистический, так и идеологический характер. С определенной долей условности все исправления текста можно разбить на три группы.

Во-первых, Бунин снабдил свой текст сведениями, служащими разъяснением, как бы реальным комментарием к написанному (расшифровка инициалов, добавления имен реальных лиц, краткие справки):

---

* Бунин И. А. Окаянные дни // Бунин И. А. Собр. соч. Берлин, 1935. Т. 10. С. 35—207 (Российская государственная библиотека. Ф. 429, картон № 5, ед. хр. 6). Цитаты из «Окаянных дней» приводятся по этому изданию с учетом авторской правки. Далее ссылки на это издание даются в тексте и обозначаются так: Б. X. 35—207.

«Окаянные дни»

Приехал Д.
К. П. про Спиридонову

Евгений играет в столовой на пианино

среди рабочих в Ропите

Авторская правка

Приехал Дерман, критик (Б. Х. 43)
Катерина Павловна, жена Горького, про Спиридонову (Б. Х. 66)

Евгений (Буковецкий, в доме которого на Княжеской улице мы жили) играет в столовой на пианино (Б. Х. 141)

среди рабочих в Ропите (Русское пароходное общество) (Б. Х. 163)

Все эти изменения повышают документальность текста, делая его доступным и понятным для читателей, не знакомых с кругом лиц и реалий, о которых идет речь в «Окаянных днях». Это можно назвать определенной объективизацией текста.

Во-вторых, Бунин правил свой текст стилистически. Благодаря отдельным сокращениям и устранением лишних повторов текст стал более сжатым и компактным. Некоторые замены и добавления повышают экспрессивность текста в целом. С другой стороны, Бунин заменил отдельные просторечные, нелитературные формы литературными.

«Окаянные дни»

мол, заранее знаю, что все говорят чепуху
Пропала Рассея!
меня спасло только бешенство, с которым я кинулся на орущую толпу

Авторская правка

мол, заранее знаю, что все несут чепуху (Б. Х. 37)
Пропала Россия! (Б. Х. 40)
меня спасло только бешенство, с которым я с матерными словами кинулся на орущую толпу (Б. Х. 64)

Самые значительные исправления, предпринятые Буниным, следует назвать идеологическими. Например, он устранил часть предложения, в котором говорится о его отношении к народникам в молодости:

«Окаянные дни»

Я чуть не с отрочества жил с ними, был как будто вполне с ними, — и постоянно, поминутно возмущался

Авторская правка

Я чуть не с отрочества жил с ними, — и постоянно, поминутно возмущался (Б. Х. 93)

Эта правка прекрасно вписывается в общую идейную структуру произведения, в котором автор постоянно противопоставляет себя окружающему его миру, в данном случае — народной интеллигенции.

Иногда Бунин добавлял к своему тексту подчеркнуто саркастические комментарии:

«Окаянные дни»

Авторская правка

Из «Известий»:

Из «Известий» (замечательный русский язык): (Б. Х. 119)

Той же цели служит и добавление кавычек *. Например: «преступно ввали об его (народа. — Д. Р.) “патриотическом” подъеме» (Б. Х. 95), «с самого того “праздничного” дня» (Б. Х. 105), «“поэт” Маяковский» (Б. Х. 113). Об исправлениях, относящихся непосредственно к полемике Бунина с языком революции, подробнее будет сказано ниже.

Эти три условно выделенные группы исправлений перекликаются, на мой взгляд, с теми тремя главными смыслообразующими доминантами, которые определяют всю структуру «Окаянных дней»: «документальность», «публицистичность» и «художественность». Для пояснения такого подхода целесообразно обратиться к известной схеме основных функций речевых высказываний Р. О. Якобсона **. Документальное начало в «Окаянных днях» можно отождествить с коммуникативной или референтивной функцией текста, направленной на контекст или референт, публицистическое — с апеллятивной или конативной, направленной на адресата, и художественное — с поэтической, направленной на само сообщение.

Кроме того, в своей «языковой полемике» Бунин использовал и метаязыковую функцию текста, направленную на код сообщения. Широко распространенные рассуждения о «неистовости» Бунина имеют в виду, по сути дела, экспрессивную или эмотивную функцию текста, направленную на адресанта. Сопоставление дневников Бунина с текстом «Окаянных дней» показывает, что писатель не включил в свое произведение множество резких записей. Экспрессивная функция, направленная на субъект тек-

* И. В. Одоевцева в своих воспоминаниях отмечает, что Бунин даже в устной речи «умеет ставить слова в кавычки, произнося их особым образом» (Одоевцева И. В. На берегах Сены. М., 1989. С. 277).

** Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193—230.

ста, проявляется, таким образом, не столько в «неистовых» авторских суждениях, а, скорее, в том, что Бунин несколько раз эксплицитно говорит о себе как о человеке, о влиянии, которое описываемые события оказывают на его психику и даже физиологию: «...сердце стучало с перерывами и больно пульсировала жила на лбу. Да, это даром для сердца не пройдет. А какое оно было здоровое и насколько бы еще меняхватило, сколько бы я мог еще сделать! <...> А у меня совершенно ощутимая боль возле левого соска даже от одних таких слов, как “революционный трибунал”» (Б. Х. 126).

Документальность «Окаянных дней» не подлежит сомнению: Бунин хотел в своем произведении зафиксировать и передать как можно более точно события, свидетелем и очевидцем которых он стал во время революции и гражданской войны. О достоверности сведений, которые приводит Бунин в «Окаянных днях», свидетельствует хотя бы тот факт, что авторы исторических работ, посвященных этой эпохе, ссылаются на произведение Бунина именно как на исторический источник *. Для Бунина установка на достоверность сообщаемых фактов и жизненных впечатлений заключала в себе в первую очередь огромный нравственный потенциал; этот аспект достоверности текста стал одним из главных факторов развития всей документальной литературы в XX веке **.

В «Окаянных днях» широко используется документальный материал: Бунин упоминает множество современников, при этом не только общеизвестных людей (писатели, политики, журналисты и т. п.), но и лиц, имевших отношение исключительно к его частной жизни (родственники, прислуга, знакомые). Широко представлена топонимика Москвы, Одессы, Петербурга и русской провинции; писатель часто называет газеты, брошюры, книги и т. п., из которых он делает выписки или черпает сведения, указывая иногда даже выходные данные: «Купил книгу о большевиках, изданную “Задругой”» (Б. Х. 74).

При всем этом Бунин не признавал над собой ига документализма. Не случайно по поводу своих «Авторских заметок», в которых речь идет о писателях-современниках, он написал, что эти заметки «кстати сказать, ничуть не есть история русской литературы» ***. Представляется, что Бунин точно так же осо-

* См., напр.: *Пайнс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 135.

** *Харрис Дж. Г.* «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына и «литература достоверности» // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 476—499.

*** *Седых А.* Далекое, близкое. М., 1995. С. 226.

знавал, что и его «Окаянные дни» не являются «историей русской революции». Уже на первых страницах автор заявляет: «“Еще не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно...” Это слышишь теперь поминутно. Беспристрастно! Но настоящей беспристрастности все равно никогда не будет. А главное: наша “пристрастность” будет ведь очень и очень дорога для будущего историка. Разве важна “страсть” только “революционного народа”? А мы-то что ж, не люди, что ли?» (Б. Х. 46).

Эта «пристрастная», публицистическая направленность «Окаянных дней» проявляется уже в том, что Бунин включил в состав своего произведения в переработанном виде материал, который он уже раньше публиковал в разных эмигрантских периодиках, часто под заглавием «Записки». Связь «Окаянных дней» с публицистикой писателя является, таким образом, не только идейной, но и генетической. Публицистичность «Окаянных дней» нельзя рассматривать как отступление или даже искажение документального начала, но как другой аспект этого сложного произведения — аспект, который Бунин никогда не скрывал и который входил в его авторский замысел.

Особенно наглядно прослеживается бунинская «пристрастность» в «Окаянных днях» там, где писатель обращается к «чужому слову». Авторский и чужие голоса отнюдь не равноправны, все чужие голоса подчинены авторскому, оценивающему и отводящему каждому голосу соответствующее ему место в бунинской шкале эстетических и этических ценностей. Это прекрасно демонстрирует следующее сопоставление:

**Русские ведомости,
14./27.3.1918**

**«Окаянные дни»,
запись от 15.3.1918**

Закрытие газет. На основании распоряжения народного комиссара юстиции, приостанавливается выход газеты «Фонарь» за помещение ряда статей и ложных редакционных заметок, вносящих в население тревогу и панику и одобряющих наступление на Российскую республику японских войск.

Типография, принявшая к выпуску в свет газету «Фонарь», будет конфискована, а владелец ее и ответственные по ней лица — арестованы.

«Комиссар по делам печати» Подбельский закрыл и привлек к суду «Фонарь» — «за помещение статей, вносящих в население тревогу и панику». Какая забота о населении, поминутно ограбляемом, убиваемом! (Б. Х. 72)

Учет произведений печати. Московский комиссар по делам печати В. Н. Подбельский издал приказ относительно учета и регистрации произведений печати.

В тексте «Окаянных дней» Бунин соединил две газетные заметки, расположенные на одной странице следом друг за другом: важнее фактической точности (не Подбельский, а комиссар юстиции закрыл «Фонарь») для Бунина оказались внутренняя связь двух заметок и их словесное оформление. Когда «комиссар по делам печати» приступает к учету и регистрации газет, то неизбежным результатом этого является закрытие тех газет, которые вносят «в население тревогу и панику». Такова бунинская «пристрастная» логика. Включение «чужого слова» в авторскую речь возвращает ему его настоящий смысл: «комиссар» — большевистский чиновник; «учет газет» — цензура; газеты, «вносящие в население тревогу и панику», — инакомыслящие.

Особый интерес представляют два места в «Окаянных днях», где Бунин приводит довольно обширные выписки о деятеле Французской революции Ж. Кутоне. Источником этих цитат является книга высокоцитимого Буниным * французского историка Ж. Ленотра «Paris Révolutionnaire. Vieilles maisons, vieux papiers» («Революционный Париж. Старые дома, старые бумаги»), точнее — глава «La brouette de Couthon» («Кутонова тачка»).

В записи от 11.5.1919 после цитат из большевистских газет Бунин прямо сопоставляет деятелей Французской и Октябрьской революций: «Как раз читаю Ленотра. Сен-Жюст, Робеспьер, Кутон... Ленин, Троцкий, Дзержинский... Кто подлее, кровожаднее, гаже? Конечно, все-таки московские. Но и парижские были не плохи» (Б. Х. 157). Дальше следует почти дословный перевод отрывка из Ленотра: «Кутон, говорит Ленотр, Кутон диктатор, ближайший сподвижник Робеспьера, лионский Атилла, законодатель и садист, палач, отправлявший на эшафот тысячи ни в чем неповинных душ, “страстный друг Народа и Добродетели”, был как известно калека, колченогий» (Б. Х. 157). В своем изложении Бунин опустил некоторые исторические реалии, подчеркнул кровожадность Кутона («садист, палач, отправлявший на эшафот тысячи ни в чем неповинных душ»), чего нет у Ленотра, и саркастически прибавил штамп Французской революции

* См.: Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 405. Как известно, труды Ленотра легли в основу и некоторых рассказов Бунина 20-х годов.

(«страстный друг Народа и Добродетели»). Сам Ленотр нигде не употребляет по отношению к Кутону это определение, ибо выражение «друг народа» было «постоянным эпитетом» другого деятеля революции — Марата, которого Ленотр так и называет в своем труде*.

В записи от 9.6.1919 писатель излагает первую часть главы о Кутоне из книги Ленотра. Вводится этот экскурс лаконично: «Ленотр о Кутоне» (Б. Х. 178). Бунин сократил очень подробный рассказ французского историка и вставил в текст собственные экспрессивные комментарии: «...говорит Ленотр — и делает отступление, чтобы нарисовать эту свирепую гадину в домашнем быту» (Б. Х. 179). И здесь Бунин прибавляет выражения из словаря революционного времени, которых у Ленотра нет: «я был бы схвачен теми шестью “агентами охраны”» (Б. Х. 180). К тому же Бунин переместил одно выражение, характерное для времени Французской революции — «святилище» в значении «Конвент» (Б. Х. 178) — из письма Кутона, цитируемого Ленотром, но опущенного Буниным, в другое его письмо, которое приводится в «Окаянных днях»; по-видимому, подобный пример употребления революционного жаргона в устах одного из деятелей Французской революции был Бунину очень дорог.

Насколько созвучна была Бунину манера изложения Ленотра, показывает следующее сопоставление: Бунин сопровождает описание отталкивающей внешности оратора такими словами: «И меня уверяют, что эта гадюка одержима будто бы “пламенной, беззаветной любовью к человеку”, “жаждой красоты, добра и справедливости”!» (Б. Х. 88); а Ленотр пишет о Сен-Жюсте, что тот «говорит о своей совести, о своей душе, “которая жаждет свободы”, о “суровости своей миссии”, о “благородных иллюзиях добродетели”. Он уверяет, что он “следует героическим примерам, чтобы извлечь пользу из них для себя”, он хочет “отомстить за гуманность и бедность”»**. Бунин, несомненно, знал слова Ленотра о Сен-Жюсте — «Как раз читаю Ленотра. Сен-Жюст, Робеспьер, Кутон...» (Б. Х. 157), — и можно предположить, что стилистический прием французского историка (вставка революционных штампов в авторскую речь с целью их дискредитации) оказал влияние на стилистику «языковой полемики» Бунина в «Окаянных днях».

То страстное участие, которое Бунин принимал в лингвистических спорах своего времени, не объясняется одними полити-

* *Lenotre G. Paris Révolutionnaire. Vieilles maisons, vieux papiers. Première Série. 19 édition. Paris, 1906. P. 63.*

** *Ibid. P. 332.*

ческими причинами. Ю. В. Мальцев охарактеризовал отношение писателя к новому политическому строю следующим образом: «У Бунина (как и у Вл. Набокова) отвращение к большевикам носит, пожалуй, не только моральный, но и, так сказать, эстетический характер. В этом проявилось его коренное свойство: видеть в основе трагизма мира не контраст добра и зла, а контраст красоты и уродства» *. Одной из центральных тем, затрагиваемых в «Окаянных днях», является судьба и развитие русского языка и литературы. Реформа русской орфографии и изменения русского языка после революции вызвали острую полемику в русской общественности; лингвистические споры накладывались, по сути дела, на политические и идеологические — характерный признак всей русской культуры в целом **.

Особенно жарко спорили по поводу новой орфографии. Противников новой орфографии было множество, однако аргументы против реформы при этом существенно различались. Скептическое отношение к новой орфографии испытывали многие, например, Вяч. И. Иванов и А. А. Блок ***. Крайне отрицательным было отношение русских эмигрантов: «Того факта, что реформа была проведена большевиками, пусть даже она была всесторонне обсуждена и разработана специалистами перед революцией, было для большинства эмигрантов достаточно, чтобы отождествить ее с ненавистным режимом и предать анафеме. <...> Позиция того или иного человека в эмиграции по вопросу об орфографии была символом и показателем его отношения к советской системе и к революции» ****.

В этом отношении не являлся исключением и Бунин. Известно множество резко отрицательных высказываний писателя по поводу новой русской орфографии, его позиция в этом вопросе осталась неизменной до самой смерти. Poleмика с этой реформой занимает важное место и в публицистике Бунина первых лет эмиграции, и в идеологической структуре «Окаянных дней»,

* Мальцев Ю. В. Иван Бунин. Франкфурт-на-Майне; М., 1994. С. 249.

** См.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина русского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) // Успенский Б. А. Избр. труды: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 331—466.

*** См.: Иванов В. И. Наш язык // Иванов В. И. Родное и вселенское. М., 1994. С. 396—400; Блок А. А. Дневник. М., 1989. С. 262.

**** Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919—1939. М., 1994. С. 68, 141—142.

которые, разумеется, были написаны и напечатаны по старой орфографии.

Любопытно в этой связи, что Бунин «переводил» с нового, «большевицкого» на старый русский язык, цитируя напечатанное по новой орфографии в старой: «“Революція охватила весь міръ... Хищники дерутся изъ-за добычи... Контрреволюцію въ Венгрии мы потопимъ въ крови!”» (Б. Х. 203) *. Это тем более замечательно, что Бунин при этом подчеркивает точность передачи увиденного и прочитанного: «Списалъ слово въ слово» (Б. Х. 168). В дневниковой записи имеется прямое указание на «перевод» («Прибавьте к этому новую орфографию» **), не вошедшее в текст «Окаянных дней».

На фоне таких «переводов» особенно заметны те случаи, когда автор все-таки решился передать чужую речь в новой орфографии. Например, Бунин очень часто приводит цитаты из газеты «Известия» и пишет при этом название источника как «Известія», но один-единственный раз он воспроизводит название газеты в новом написании, снабдив это место характерным авторским комментарием: «Въ «Известиях», — охъ, какое проклятое правописание!» (Б. Х. 97). Своими исправлениями в авторском экземпляре «Окаянных дней» Бунин усилил эту тенденцию:

«Окаянные дни»

Авторская правка

«Отъ победы къ победе — новыя успехи доблестной красной армии».

«Вчера удалось добыть угля для отправки поезда въ Киевъ».

«От победы к победе — новыи [sic!] успехи доблестной красной армии» (Б. Х. 97)

«Вчера удалось добыть угля для отправки поезда въ Киев» (Б. Х. 98)

Бунин не стремился ни к последовательности («въ» рядом с «Киев»), ни к правильному употреблению чужого кода («новыи»). Очень показательна в этой связи следующая авторская

* Все цитаты из «Окаянных дней», рассматриваемые с точки зрения их правописания, даются по старой орфографии.

** Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы, под редакцией Милицы Грин: В 3 т. Франкфурт-на-Майне, 1977. Т. 1. С. 264. В дальнейшем ссылки на это издание даются непосредственно в тексте и обозначаются так: УБ. I. 264.

правка текста: Бунин вначале приписал на полях к тексту берлинского издания одно слово и затем исправил его по правилам новой орфографии:

«Окаянные дни»

Авторская приписка на полях

Авторская правка приписки

На Дерибасовской новья картинки на стѣнахъ

На Дерибасовской новья картинки Агитпросвѣта на стѣнахъ

На Дерибасовской новья картинки Агитпросвета на стѣнахъ (Б. Х. 167)

Разным идеологическим пространствам (естественное — «окаянное») соответствуют разные коды (старая — новая орфография). Старой и новой орфографической системам, по сути дела, присваивается в структуре «Окаянных дней» статус разных языков, обладающих собственным кодом. Эти два языка противопоставлены друг другу автором, они образуют определенную оппозицию, в которой новый язык с новой орфографией является маркированным членом. Таким образом, метаязыковая функция текста используется Буниным для того, чтобы напомнить читателю об уродливости и перевернутости описываемой действительности и четко разделить идеологическое пространство текста.

Спор о новой орфографии представляет собой только один аспект всесторонней полемики с новым языком революции, о неприязни к которому Бунин не замедлил заявить уже на первых страницах «Окаянных дней»: «Какое обилие новых и все высокопарных слов! Во всем игра, балаган, “высокий” стиль, напыщенная ложь...» (Б. Х. 44). Справедливо замечено, что Бунин был одним из немногих, кому «за ошеломляющими фактами удавалось разглядеть стиль» *.

В качестве характерных признаков языка революционного времени разными исследователями отмечались обилие заимствованных слов и выражений, большое количество разного рода сокращений, использование, с одной стороны, грубой, бранной и нецензурной, а с другой — высокой и архаичной лексики, повышенная экспрессивность и эмоциональность речи, достигаемые разными средствами (перифразы, метафоры и др.), интонационная близость к ораторской речи, влияние канцелярского стиля, штампованность; многие современники жаловались и на самую

* Мальцев Ю. В. Забытые публикации Бунина // *Континент*. 1983. № 37. С. 357.

обыкновенную безграмотность (это касается в первую очередь языка газеты)*.

В революционные годы широко употреблялись кальки с французского языка, имеющие отношение к событиям Французской революции XVIII века, отчасти ранее бытовавшие в русском языке, но к началу XX века уже вышедшие из употребления («комиссар» (Б. Х. 52), «старый режим»** (Б. Х. 73)). Бунин прямо сталкивает и противопоставляет новые и старые слова: «Против наших окон стоит босяк с винтовкой на веревке через плечо, — “красный милиционер”. И вся улица трепещет его так, как не трепетала бы прежде при виде тысячи самых свирепых городских» (Б. Х. 80).

Как у Ленотра, лозунги революционного времени вставляются в авторскую речь в целях их дискредитации: «рабоче-крестьянская власть», «без всяких аннексий и контрибуций» (Б. Х. 85), «краса и гордость русской революции» (Б. Х. 160), «стихийность революции» (Б. Х. 181), «красу, гордость и надежду русской социальной революции» (Б. Х. 197). Писатель прямо указывает на необходимость дискредитации революционной фразеологии:

Почему комиссар, почему трибунал, а не просто суд? Все потому, что только под защитой таких священно-революционных слов можно так смело шагать по колено в крови, что благодаря им даже наиболее разумные и пристойные революционеры, приходящие в негодование от обычного грабежа, воровства, убийства, отлично понимающие, что надо вязать, тащить в полицию босяка, который схватил за горло прохожего *в обычное время*, от восторга захлебываются перед этим босяком, если он делает то же самое во время, называемое революционным, хотя ведь всегда имеет босяк полнейшее право сказать, что он осуществляет «гнев низов, жертв социальной несправедливости» (Б. Х. 126—127).

Особенно отталкивали Бунина грубость и штампованность нового языка: «Белогвардейская сволочь стремится расстроить

* См., напр.: *Винокур Г. О.* Культура языка. Очерки лингвистической технологии. М., 1925; *Горнфельд А. Г.* Новые словечки и старые слова. Речь на съезде преподавателей русского языка и словесности в Петербурге [sic] 5 сентября 1921 г. Петербург, 1922; *Гус М., Загорянский Ю., Каганович Н.* Язык газеты. М., 1926; *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917—1926. М., 1928; *Mazon A.* Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1918). Paris, 1920; *Mendras Ed.* Remarques sur la vocabulaire de la révolution russe // *Melanges publiés en l'honneur de M. Paul Boyer.* Paris, 1925. P. 257—269.

** Ср. противопоставление во французском языке «старого» (монархического) и «нового» (республиканского) «режимов».

красную силу» (Б. Х. 135)*, «Колчак поступил на службу к международным хищникам... чтобы под хладнокровной, *раскормленной* рукой Ллойд-Джорджа билась в судорогах истощенная страна...» (Б. Х. 155)**.

Бунин не останавливается на полемике с языком революции. Для писателя важно было выявить, откуда этот язык взялся и какими источниками он питается: «Совершенно нестерпим большевистский жаргон. А каков был вообще язык наших левых?» (Б. Х. 103). Бунин осознавал связь нового революционного языка с языковой деятельностью народнической и революционно-демократической публицистики, — наблюдение, которое подтверждается лингвистическими исследованиями***. Очень показательно в этой связи то, как Бунин правил авторский комментарий к обширной цитате, в которой дается беспощадный анализ достижений Французской революции:

«Окаянные дни»

Удивительней всего то, что эти слова, — столь оправдавшиеся на Наполеоне, — принадлежат певцу «Колокола».

Авторская правка

Удивительней всего то, что эти слова, — столь оправдавшиеся на Наполеоне, — принадлежат Герцену. (Б. Х. 178)

В статье «Еще об итогах», опубликованной 13.1.1922 в нью-йоркской газете «Утро», эту же цитату Бунин приписал не Герцену: «Эти укоры и пророчества <...> принадлежат певцу “Колокола” — Шиллеру...»****.

Автором приведенного отрывка действительно является Ф. Шиллер. Бунин сделал контаминацию цитат из устных и письменных высказываний поэта, который после казни Людовика XVI пришел к пересмотру своих взглядов на Французскую

* Ср.: «...если речь заходит о русской эмиграции, то она называется обычно *белогвардейской сволочью*» (Селищев А. М. Указ. соч. С. 83).

** Ср.: «3—4 года назад в наших газетах свирепствовал Ллойд-Джордж. Он был популярнее в нашей прессе, чем все самые популярные из советских вождей. Ллойд-Джордж — это было не собственное, а собирательное имя существительное. Это был — и Мильеран, и Вильсон, и Носке, и Муссолини, и Пилсудский, одним словом, “*хищники империализма*”...» (Правда. 1926. № 101. Цит. по: Селищев А. М. Указ. соч. С. 24).

*** Селищев А. М. Указ. соч. С. 26—27.

**** Бунин И. А. Еще об итогах // Бунин И. А. Публицистика 1918—1953 годов. М., 1998. С. 136.

революцию*. Правку в берлинском издании следует, таким образом, считать ошибочной: Бунин, по-видимому, спустя много лет перепутал «Колокола». Но гораздо важнее этой фактической ошибки является стилистическая направленность правки. Тем энергичнее Бунин должен был устранить процитированную перифразу из окончательного текста «Окаянных дней», что она воспринималась писателем как одно из ненавистных ему «украшений стиля», которыми пестрила революционная публицистика**.

Современному языковому «балагану» Бунин противопоставляет еще не тронутый злободневной фальшью язык древних и священных текстов. Язык Библии и язык древней русской летописи («и все-таки иные, совсем не нынешние слова» (Б. Х. 151)) являются для Бунина единственной языковой средой, к которой может обратиться современный человек, ибо только такой язык способен адекватно выразить весь ужас происходящего. Свой собственный язык Бунин явно возводит именно к этим языковым источникам: «Потом (во сне. — Д. Р.) огромная говорящая лошадь. Она говорила что-то похожее на мои стихи о Святогоре и Илье на каком-то древнем языке, и все это стало так страшно, что я проснулся и долго мысленно твердил эти стихи» (Б. Х. 151; за этими словами следует длинная автоцитата, отрывок из стихотворения Бунина 1916 г. «Святогор и Илья»).

В тексте «Окаянных дней» обнаруживаются пласты, различающиеся по происхождению и по времени написания. Полезно вспомнить довольно осторожное высказывание о первоисточнике «Окаянных дней» М. Э. Грин, долголетней хранительницы эмигрантского архива писателя: «Это пожелтевшие, исписанные его рукой листки бумаги, размера “фолио”, сложенные пополам. Почерк нервный и местами неразборчивый. Начало и конец отсутствуют. Относятся эти записи ко времени, когда Одесса находилась в руках большевиков в 1919 году. Предполагаю, что из этих заметок частично родились впоследствии “Окаянные дни”»

* *Rieger K. Schillers Verhdltnis zur franzsischen Revolution. Vortrag gehalten im Vereine Mittelschule in Wien, am 28. Mdrz 1885. Wien, 1885. S. 16—19.* Интересны параллели между настроением Шиллера и Бунина. Немецкий поэт писал в 1793 году: «Я уже недели две не могу больше читать французских газет, так осточертели мне эти гнусные живодееры» (Ibid. S. 14). Ср. у Бунина: «Понедельник, газет нет, отдых в моем помешательстве (длящемся с самого начала войны) на чтении их. Зачем я над собой зверствую, рву себе сердце этим чтением?» (Б. Х. 102—103).

** *Mazon A. Op. cit. P. 47—49.*

(УБ. I. 177). Сопоставление дневников писателя с текстом «Окаянных дней» показывает, что эта осторожность вполне оправдана.

Основой произведения являются переработанные фрагменты из личных дневников Бунина:

Недатированная дневниковая запись, относящаяся к 1919 г.

4 ч. Гулял, дождя нет, пышная зелень, тепло, но без солнца. На столбах огромные афиши: «В зале пролеткульта грандиозный Абитур-спектакль-бал...» — После спектакля «призы»: 1) за маленькую изящную ножку, 2) за самые красивые глаза, киоски в стиле «модерн», «в пользу безработных спекулянтов», губки и ножки целовать в закрытом киоске, красный кабачок, шалости электричества, котильон, серпантин и т. д. 2 оркестра военная музыка, усиленная охрана, свет обеспечен, разъезд в 6 ч. по старому времени... Хозяйка вечера супруга командующего 3-й советской Армией Марфа Яковлевна Худякова». Прибавьте к этому новую орфографию. (УБ. I. 263—264)

«Окаянные дни», запись от 24.5.1919

Выходил, дождя нет, тепло, но без солнца, мягкая и пышная зелень деревьев, радостная, праздничная. На столбах огромные афиши:

«В зале Пролеткульта грандиозный абитур-бал. После спектакля призы: за маленькую ножку, за самые красивые глаза. Киоски в стиле модерн в пользу безработных спекулянтов, губки и ножки целовать в закрытом киоске, красный кабачок, шалости электричества, котильон, серпантин, два оркестра военной музыки, усиленная охрана, свет обеспечен, разъезд в шесть часов утра по старому времени. Хозяйка вечера — супруга командующего третьей советской армией Клавдия Яковлевна Худякова».

Списал слово в слово. Воображаю эти «маленькие ножки» и что будут проделывать «товарищи», когда будет «шалить», то есть гаснуть, электричество. (Б. X. 167—168)

Включив эту запись в «Окаянные дни», Бунин, вопреки своим уверениям, что он все «списал слово в слово», изменил цитатный материал и добавил к нему саркастический авторский комментарий.

Особенно важно то, что Бунин постоянно раздвигает временной план «Окаянных дней». Разыскивая предпосылки и истоки «окаянного» настоящего в прошлом, отвергая при этом распрос-

траненный взгляд на революцию как на «стихию» *, писатель включил в свое произведение и записи дореволюционного времени. Приводя подобные записи, Бунин обычно очень точно указывает на время их возникновения. Например:

**Дневниковая запись
от 22.2.1915**

Наша горничная Таня очень любит читать. Вынося из-под моего письменного стола корзину с изорванными бумагами, кое-что отбирает, складывает и в свободную минуту читает — медленно, с напряженьем, но с тихой улыбкой удовольствия на лице. А попросить у меня книжку боится, стесняется... Как мы жестоки! (УБ. 1. 143)

**«Окаянные дни», запись,
озаглавленная «Ночью»
(16.2.1918)**

Сейчас сижу и разбираю свои рукописи, заметки, — пора готовиться на юг, — и как раз нахожу кое-какие доказательства своего «деспотизма». Вот заметка 22 февраля 15 года:

— Наша горничная Таня, видимо, очень любит читать. Вынося из-под моего письменного стола корзину с изорванными черновиками, кое-что отбирает, складывает и в свободную минуту читает, — медленно, с тихой улыбкой на лице. А попросить у меня книжку боится, стесняется... Как жестоко, отвратительно мы живем! (Б. X. 50)

Опубликованные дневники Бунина показывают, что писатель включил в состав «Окаянных дней» и записи более позднего времени в переработанном виде. Такие записи не сопровождаются указанием на время их написания.

**Дневниковая запись
от 8./21.1.1922**

Люди спасаются только слабостью своих способностей — слабостью воображения, недуманием, недодумыванием. (УБ. II. 75)

**«Окаянные дни»,
запись от 10.3.1918**

Люди спасаются только слабостью своих способностей, — слабостью воображения, внимания, мысли, иначе нельзя было бы жить. (Б. X. 68)

---

* С утверждением, что «Бунин отвергает не взгляд на революцию как на стихию, а оценку этого явления», равно как и с тем, что Бунин «обращается к своим оппонентам на их языке», согласиться нельзя. См.: «Окаянные дни» И. А. Бунина в контексте русской поэзии 1917—1921 гг. С. 6—8.

**Дневниковая запись
от 9./21.1.1922**

«Я как-то физически чувствую людей» (Толстой), Я *все* физически чувствую. Я настоящего художественного естества. Я всегда мир воспринимал через запахи, краски, свет, ветер, вино, еду — и как остро. Боже мой, до чего остро, даже больно! (УБ. II. 75)

**«Окаянные дни»,
запись от 22. 4. 1919**

«Я как-то физически чувствую людей», — записал однажды про себя Толстой. Вот и я тоже. Этого не понимали в Толстом, не понимают и во мне, оттого и удивляются порой моей страстности, «пристрастности». (Б. Х. 83)

Писатель не счел нужным и возможным указать на более позднее время возникновения этих записей: подобные указания разрушили бы всю смысловую структуру «Окаянных дней». Большинство этих записей представляет собой авторские размышления, они, как правило, прямо не связаны с описываемыми событиями. В подобных «вневременных» отступлениях философского характера Бунин осмысливает события, потрясшие Россию, в их исторической перспективе. В этих же целях приводятся и воспоминания, главным образом о 1917 г., при написании которых писатель уже не мог опираться на дневниковые записи.

**Дневниковая запись
от 14.10.1917**

С утра серо, ветер с северо-запада, холодный, сейчас три, мы с Верой гуляли, облака, светит солнце.

На низу сада, возле плетня, слышу матерную брань. Вижу — Савкин сын (кривой), какой-то пьяный мужик лет двадцати пяти, долговязый малый лет двадцати, не совсем деревенского вида.

— Когой-то ругает?

Пьяный:

— Да дьякона вашего.

— Какой же он мой.

— Как же так не ваш? А кто ж вас хоронить будет, когда помрете? Вот П. Ник. помер — кто его хоронил? Дьякон.

— Ну, а вот ты-то дьякона ругаешь, тебя-то кто ж будет хоронить?

**«Окаянные дни», запись от
10.6.1919**

Сентябрь семнадцатого года, мрачный вечер, темные с желтоватыми щелями тучи на западе. <...> Из-под горы идет мужик, порывисто падая вперед, — очень пьяный, — и на всю деревню кричит, ругает самыми отборными ругательствами диакона. Увидав меня, с размаху откидывается назад и останавливается:

— А вы его не можете ругать! Вам за это, за духовное лицо, язык на пяло надо вытянуть!

— Но позволь: я, во первых, молчу, а во вторых, почему тебе можно, а мне нельзя?

— А кто-ж вас хоронить будет, когда вы помрете? Не диакон разве?

— Он мне керосину (в потребилке) не дает... и т. д. *

— А тебя?

Уронив голову и подумав, мрачно:

— Он мне, собака, керосину в лавке кооперативной не дал. Ты, говорит, свою долю уж взял. А если я еще хочу? «Нет, говорит, такого закону». Хорош ай нет? Его за это арестовать, собаку, надо! Теперь никакого закону нету. — Погоди, погоди, — обращается он к караульщику, — и тебе попадет! Я тебе припомню эти подметки. Как петуха зарезу — дай срок! (Б. Х. 187—189)

Бунин, используя этот эпизод в своем произведении, приурочил его к сентябрю, а не к октябрю 1917 г., время действия перенесено на «вечер». Разговор с пьяным записан в дневнике гораздо более фрагментарно. К тому же в «Окаянных днях» этот эпизод соединен с другим, о котором в дневниках не упоминается. Главное, однако, заключается в том, что этот разговор зловеще освещает всю обстановку в стране той поры («Теперь никакого закона нету») и делается намек на грозные события в будущем («Как петуха зарезу — дай срок!»).

Очевидно, что понимание «Окаянных дней» только как документа эпохи или как части публицистического наследия Бунина не охватывает всей сложности произведения. Точно так же неудовлетворительным является часто встречаемое определение «Окаянных дней» как «дневника», ибо в этом случае не учитываются два главных элемента, заметно влияющих на всю структуру произведения, — эстетическая организованность** и ориентация на определенную литературную традицию.

Все приведенные сопоставления показали, что соотношение дневников писателя и текста «Окаянных дней» сложно и отнюдь

* Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 49. Как указано в комментарии А. К. Бабореко, Бунин во время составления «Окаянных дней» в эмиграции не мог пользоваться этим дневником, так как он остался в Москве (Бунин И. А. Окаянные дни // Литературное обозрение. 1989. № 7. С. 108).

** «Для эстетической значимости не обязателен вымысел и обязательна организация — отбор и творческое сочетание элементов, отраженных и преображенных словом» (Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1977. С. 10).

не однозначно. «Окаянные дни» являются скорее произведением, написанным в дневниковой форме, чем «дневником». Бунин дорожил дневником именно как литературной формой: «Дневник — одна из самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие» (УБ. I. 149). Писатель почти всю жизнь вел дневники и использовал их при написании некоторых своих произведений *. Кроме «Окаянных дней» в творчестве Бунина дневниковая форма представлена, например, путевым дневником «Воды многие». Обращение Бунина к этой форме не является случайностью: оно связано с тем, что Ю. В. Мальцев определяет как «страдание от условности литературной формы и стремление найти безыскусный прямой способ выражения своего внутреннего опыта» **.

Важно подчеркнуть, что для Бунина не существовало жесткого разграничения документальной и художественной литературы, так как он не делал разницы между жизненным фактом и вымыслом в качестве *материала* для художественного произведения. Многочисленные утверждения Бунина о том, что он выдумал то или иное произведение, сделаны не в последнюю очередь «в целях охранения добрых литературных нравов» ***. По мнению писателя, критики должны оценить само произведение, а не то, как тот или иной реальный факт отразился в нем: «Может быть, в “Жизни Арсеньева” и впрямь есть много автобиографического. Но говорить об этом никак не есть дело критики *художественной*» ****.

Не менее важным для понимания авторского замысла является то, что «Окаянные дни» продолжают определенную литературную традицию, которая хорошо осознавалась Буниным. Писатель сам неоднократно определял «Окаянные дни» как «фельетоны». «Фельетон» как жанр художественно-публицистической литературы с неременной установкой на актуальность ***** представляет собой очень точное терминологическое

* См.: *Бабореко А. К.* И. А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917). М., 1983. С. 171—174.

** *Мальцев Ю. В.* Иван Бунин. С. 104.

*** *Бабореко А. К.* Указ. соч. С. 47.

**** Там же.

***** Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 464—465. Здесь указано, кроме того, что исторически этот жанр восходит к эпохе Французской революции, одним из его выдающихся представителей является Г. Гейне. Ср. у Бунина: «Читаю Гейне. Удивительный фельетонист, памфлетист» (УБ. III. 128).

сращение вышеприведенных бунинских определений «беллетристика» и «еще очень нужное для времени».

Но этим литературная преемственность «Окаянных дней» не ограничивается. Произведение явно ориентировано на традицию древнерусского летописания*. В тексте имеется прямое указание на это:

Уж на что страшна старая русская летопись: непрерывная крамола, ненасытное честолюбие, лютая «хотя» власти, обманные целования креста, бегство в Литву, в Крым «для подъема поганых [sic] на свой же собственный отчий дом», рабские послания друг к другу («бью тебе челом до земли, верный холоп твой») с единственной целью одурачить, провести, злые и бесстыдные укоры от брата к брату... и все-таки иные, совсем не нынешние слова... (Б. Х. 151)

Б. М. Эйхенбаум замечает, что «рецидивы летописного образа мыслей и стиля <...> возникли в трудные, грозные для страны и народа годы, когда роль “случая” казалась всесильной, а попытки понять или хотя бы “угадать” ход истории терпели неудачу»**. Исследователь выделяет, между прочим, следующие признаки летописной традиции: «построение вещи не на обычной для романа сюжетной основе, а на временном («погодном») движении событий, общая фрагментарность повествования с частными отступлениями философского характера <...> отрицание причинно-следственных связей»***. Все эти черты в какой-то степени присущи не только «Окаянным дням», но всей поэтике Бунина в целом.

В связи с революцией, в воистину «грозные для страны и народа годы», летописная традиция стала для Бунина особенно актуальной****. В разных публицистических выступлениях конца 10-х — начала 20-х гг. Бунин постоянно возвращался к

* Летописная традиция является одним из основных источников, к которым непосредственно восходит дневник как культурное явление в Европе. Таким образом, обращение Бунина в «Окаянных днях» к традиции древнерусского летописания объясняется в какой-то мере «памятью жанра». См.: *Носке G. R. Das europäische Tagebuch. Wiesbaden, 1963. С. 16—17.*

** *Эйхенбаум Б. М. Черты летописного стиля в литературе XIX века // Эйхенбаум Б. М. О прозе. Л., 1969. С. 374.*

*** Там же. С. 378.

**** Интересно, что и «Воды многие», опубликованные одновременно с газетным вариантом «Окаянных дней» в 1925—1926 гг., ориентируются на древнерусскую литературу, а именно на жанр «хожений». См.: *Громов-Колли А. В. «Путевые поэмы» И. А. Бунина (проблематика, жанр, поэтика) // И. А. Бунин и русская литература XX века. М., 1995. С. 37—40.*

древним летописям. Особенно показательна лекция Бунина «Великий дурман», в которой имеются такие строки:

Они (русские цари. — *Д. Р.*) знали и помнили о страшных и многократно повторявшихся на Руси днях всяческих смут, убоиц, «свар», «нелепиц», когда, по слову летописца, — как будто о наших днях говорящего, — когда «земля сеялась и росла убоицами», когда «редко звучал голос земледельца, но часто каркали вороны, деля меж собой трупы, ибо сказал брат брату: это мое, а это мое же, а поганые со всех сторон приходили на них с победами, и стонал тугою Киев, а Чернигов напастями...» Цари и «попы» многое могли предчувствовать, зная и помня летописи русской земли... *

Установкой на летописание, возможно, объясняется и само название произведения, рассказывающего о «днях всяческих смут, убоиц, “свар”, “нелепиц”». Прилагательное «окаянный» часто встречается в летописях; в «Повести временных лет», например, это прилагательное употребляется несколько раз как эпитет, относящийся к дьяволу, к нехристианским врагам русской земли, и в качестве постоянного эпитета «Святополка Окаянного» **.

Помимо заглавия в произведении Бунина прилагательное «окаянный» употребляется еще один раз («весна-то какая-то окаянная» (Б. Х. 78)). Оба раза «окаянный» входит в сочетания с существительным, обозначающим отрезок времени. Бунин нигде не употребляет «окаянный» в сочетании с антропонимами или как бранное слово, хотя именно такое употребление прилагательного является основным для современного Бунину языка ***. «Окаянный» у Бунина вбирает в себя все четыре значения, присущие этому прилагательному в древнерусском языке ****: революционные дни для Бунина являются и «многострадальными» (1), и «горестными» (2), обнаруживающими «безбожную» (3) сущность виновных в этой катастрофе, одновременно это и совершенно «пропащие» (4) дни («опять впереди пустой, долгий день, да нет, не день, а дни, пустые, долгие, ни на что ненужные! Зачем жить, для чего? Зачем делать что-нибудь?» (Б. Х. 92)).

* Бунин И. А. Из «Великого дурмана» // Бунин И. А. Публицистика 1918—1953 годов. М., 1998. С. 51.

** В 1897 году Бунин записал в дневнике, фиксируя впечатления о своих странствиях по Украине: «За Кременчугом среди пустых гор, покрытых только хлебами. Думал о Святополке Окаянном» (УБ. I. 32). Кстати, «Святополком Окайным» Бунин величал Д. С. Святополка-Мирского в своих записях эмигрантского периода (УБ. II. 255).

*** Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1996. Т. 2. Стб. 783.

**** Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1987. Вып. 12. С. 320.

Древнерусская летопись рядом своих черт близка самой сущности бунинской поэтики. «Летопись фиксирует лишь часть событий, создавая впечатление необъятности исторического движения. <...> Вырывая из общего потока многочисленных событий то тот, то иной факт и фиксируя его в своих записях, летопись создает впечатление неохватного обилия событий человеческой истории. <...> Многое остается за пределами летописного изложения, и это запредельное в летописи течение истории то так, то иначе дает себя знать читателю. Летописец как бы осознает непостижимость всего, что происходит» *. Для поэтики Бунина характерно то, что он «провоцирует стремление «заглянуть за рамку», то есть обостряет ощущение необъятной жизни, оставшейся за пределами рассказанного» **. Возникает ощущение «безграничности жизни и ее неисчерпаемости. <...> бунинская новелла в самой себе несет представление об огромности мира за ее пределами» ***.

Взгляд летописца на исторический процесс близок к бунинскому: «Ограниченный подбор событий, отмечаемых летописцем, подчеркивает повторяемость истории, “неважность” ее отдельных событий с точки зрения вневременного смысла бытия и одновременную важность вечного» ****. Бунинский «взгляд с позиций вечности» ***** не мог не установить повторяемость всего происходящего: «Чуть не десять лет тому назад поставил я эпитафией к своим рассказам о народе, о его душе слова Ив. Аксакова: “Не прошла еще древняя Русь!” Правильно поставил. Ключевский отмечает чрезвычайную “повторяемость” русской истории. К великому несчастью, на эту “повторяемость” никто и ухом не вел» (Б. Х. 145).

Поэтому и сливаются в бунинской «летописи» художественный и реальный образы летописца, на различие которых указал Д. С. Лихачев ^{6*}: «пристрастный» документ эпохи о злобе дня то и дело стремится стать неподвластным времени повествованием о вечно повторяющейся «суете сует», современный языковой балаган оттесняется обращением к языку древних и священных

* Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 256—257.

** Сливицкая О. В. Фабула — композиция — деталь бунинской новеллы // Бунинский сборник. Орел, 1974. С. 93—94.

*** Там же. С. 94.

**** Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 257.

***** Сливицкая О. В. Указ. соч. С. 97.

^{6*} Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 270.

текстов, «окаянное» настоящее оборачивается лишь каплей в неизменном потоке бытия.

Бунин всю жизнь мысленно возвращался к революционному времени как к переломному моменту в своей личной жизни и в судьбе своей родины, часто заново переживал эти дни, до конца своей жизни не смирился со случившимся. Во время второй мировой войны он записал в своем дневнике: «Да, опять “Окаянные дни”!» (УБ. III. 101). Произведение, которое Бунин посвятил этому времени, многими нитями связано со всем творчеством писателя. Показательно, что отдельные фрагменты, сцены, выражения «перекочевали» в другие его произведения, в том числе и в «Жизнь Арсеньева». В «Окаянных днях» отразились главные черты поэтики Бунина и ведущие темы его творчества: прошлое и его воссоздание в настоящем, в памяти, вечность и история, ужас смерти, красота и безобразие жизни, Россия между Западом и Востоком, загадка «русской души». Пожалуй, только одна из бунинских тем здесь осталась практически не затронутой — любовь, невозможная во время «окаянных дней».

Бунин сам сблизил «Окаянные дни» со своим художественным творчеством, материя которого обычно «не принимала антиматерии советского бытия» *. Это произведение, основанное на дневниках писателя, генетически связанное с его пореволюционной публицистикой, прошло длинный путь преобразований под внимательным и требовательным взглядом автора, который снова и снова правил и перерабатывал его. Как старое вино, «Окаянные дни» должны были отстояться, чтобы, когда злободневная муть осядет, стать полноценной частью творческого наследия И. А. Бунина.

* Мальцев Ю. В. Забытые публикации Бунина. С. 342.